

Чепик Иван Кириллович
Последние дни и ночи Сталинградской битвы.
(Воспоминания бывшего солдата)

Много лет ушло с тех пор. Целая жизнь прожита. Но как только зайдёт разговор о Сталинградской битве, мне почему-то больше всего вспоминается бескрайние приволжские степи, длительные изнурительные марши от Вольска до бесконечных Сталинградских балок, сон на ходу, лёгкие дуновения то холодка, то теплых потоков воздуха и, конечно же, какой-то въедливый горький запах полыни. Ассоциации настолько сильны, что и сейчас, мне кажется, я ощущаю эту горькоту полыни. По-видимому, это потому, что для меня это было началом моей фронтовой жизни. Да и не только фронтовой. Для меня, как и для тысяч таких же, это было и началом моей самостоятельной жизни. Мне не было ещё и восемнадцати, прямо со школьной скамьи я оказался в этой изнурительной, днём и ночью гремящей многомесячной битве.

Казалось, сама судьба нас испытывала на прочность. Война – это не только кровь, смерть, увечье. Это и изнурительные многокилометровые марши со всем на себя навешанным, что необходимо для жизни и боя. Это – и вечная окопная грязь с обилием сосущих тебя паразитов, сон урывками на морозе, вечная проблема с едой. Война для всех родов войск была тяжёлым испытанием. Но эта, вторая сторона войны, больше всего выпала на долю пехоты.

Многое стёрлось в памяти. Но есть даты, события, которые как вехи определяют весь путь, пройденный за годы войны. Я и сейчас хорошо помню, как в начале августа 1942 года начальник Киевского пехотного училища (в то время оно находилось в Ачинске) генерал Сверчевский перед строем всего училища зачитал приказ Народного комиссара обороны Союза СССР №227. Такого откровенного анализа положения страны и на фронтах мы ещё не слышали. На следующий день всё училище поротно выходило на погрузку в эшелоны. Куда нас направляли – секрета не было, хотя об этом командиры и не говорили. Весь город провожал: женщины, старики, дети, раненые (в Ачинске было много госпиталей). И каждые по-своему выражали эмоции в силу своего жизненного опыта и настроения. Раненые – подбадривали, дети – пристраивались в хвост колонны, женщины – молча утирали слёзы, а некоторые спрашивали – сокрушались: и куда это вас, бедненьких, гонят? И следовал ответ соседки: Куда? Куда? Под Сталинград.

Да, Сталинград стал тем участком советско-германского фронта, где схлестнулись в неистовом противоборстве наиболее мощные группировки двух армий. Немцы стремились, во что бы то ни стало овладеть этой крепостью (как они окрестили Сталинград) и тем самым создать реальные условия для овладения Кавказом и Бакинской нефтью. И во-вторых, поражение наших войск здесь привело бы к изменению всей стратегической обстановки на всём Советско-Германском фронте в пользу немцев. Вот почему для нас Сталинград был последним рубежом, потеря которого

привела бы нас к катастрофе. Прямо по-гамлетовски был поставлен вопрос: быть или не быть. Каким-то подспудным чувством все сошлись на одном: здесь под Сталинградом, решается исход войны, судьба нашей страны. Особенно тяжёлое положение для наших войск сложилось с прорывом 23 августа 1942 года 14 механизированного корпуса Виттерстейма * Волге в районе посёлка Рынок, Латошанки, севернее тракторного завода.

Чтобы облегчить положение обороняющейся в Сталинграде 62-ой армии с Севера по прорвавшимся немецким войскам непрерывно наносились удары. Здесь в составе 669 СП 212 СД 66 армии я и принимал свой первый бой.

Но вернёмся назад. В первой половине августа 1942 года эшелон курсантов Киевского пехотного училища прибыл на станцию Привольская. Здесь же в лесу нас распределили по частям. Затем мы совершили ночной марш через Вольск, Терцы и остановились в верхней Чернавке (в трёх километрах от Шихан), где полк продолжал формироваться и шло обучение личного состава. При распределении я попал в ампулометный взвод 669 СП. В шутку мы называли себя батареей 127мм орудий. Это было какое-то «петровское» оружие: крестообразный деревянный лафет с металлической вилкой в перекрестии, ствол (тело) 127 мм в поперечнике и шарообразная ампула из двух жестяных полусфер, начинённая самовоспламеняющейся горючей смесью «КС». Применение очень простое: шар с «КС» (что-то вроде напалма) закатывается с дульной части в ствол, а затем вышибным патроном 12 калибра выбрасывается в цель. Применялось это оружие против танков, бронемашин. Прицел имел три деления - 50 м, 75, 150 м. Но только вот какой танкист в степи на такое расстояние подпустит это оружие, предварительно не поразив его. Простая бутылка с «КС» более удобна в степи. Кстати, мы запаслись для всякого случая и ими. По-видимому, полк и саму дивизию готовили для боёв в самом Сталинграде.

В Терцах нам выдали новое обмундирование. Здесь же мы познакомились и со своим командиром взвода лейтенантом Дмитрием Тимофеевичем Прудниковым. Мы тесной группой сидели на траве, после обеда перекуривали, когда к нам подошёл лейтенант с планшеткой на боку и спросил: – Хлопцы, это вы ампулометный взвод? И, после получения утвердительного ответа, представился: – Я назначен командиром вашего взвода. Фамилия моя – Прудников.

Это был сравнительно крупный мужчина 30-35 лет, с мягким белорусским говором. От него сразу повеяло чем-то домашним, своим. В какой бы сложной обстановке мы не оказывались он никогда не переходил на крик, ругань. Он даже ругаться не умел. Как он после сам рассказывал, на гражданке он был учителем истории в школе. Повезло нам с командиром. В меру требовательный, душевный был командир и человек Дмитрий Тимофеевич. Да и личный состав взвода подобрался сплочённый, как говорится, покладистый. По национальному составу в общем – славяне: русские, украинцы, белорусы.

Имена многих мною уже забыты. Но хорошо помню старшего сержанта Гаськова, старшину Гараничева, сержантов Мармуту, Баранова, ефрейтора Кизиму, рядовых Корзуна, Аникеева. Кстати, о национальной принадлежности. Мы вообще не прибавили никакого значения этому вопросу. Тем более говорить о какой-то национальной неприязни между русскими, украинцами и белорусами просто не было никакого даже малейшего повода. Эти народы настолько кровно сроднились, что разделить их все равно, что резать на части единый живой организм. Война нас убедила в том, что одним из важнейших источников нашей победы были дружба и единство всех народов Советского Союза.

В верхней Чернавке полк находился до первых чисел сентября. Затем начались длительные изнурительные марши под Сталинград. Двигались по степи, минуя населённые пункты, и только ночью при строжайшей светомаскировке. На днёвки сосредотачивались в лесистых балках. В сутки совершали по 40-45 километров. И так – до самого Сталинграда. Правда, где-то на уровне Саратова, полк простоял в лесу более недели, пополняясь людьми и вооружением. Последние трое суток шли беспрерывно и днём и ночью. Чувствовалось, что мы опаздываем. Шёл непрерывный дождь, все тылы, в том числе и кухни, отстали. А «НЗ» заблаговременно забыли выдать.

Хорошо помню последний день перед вступлением в бой. Ко второй половине дня 19 октября мы подошли к району боевых действий. Немцы уже обстреливали из тяжёлой артиллерии. К этому времени небо уже прояснилось и на горизонте, курсом прямо на полк появилась армада немецких самолётов порядка 50-60 штук. Что делать? Кругом на километры – ни кустика, голая степь. Дали команду рассредоточиться. Но нас не бомбили. По-видимому для них объекты были определены более важные. Но от этой группы отделилось два самолета, и стали сбрасывать листовки. В них, во-первых, издевательски поздравляли нашу 212 дивизию с прибытием и, во-вторых, от имени какого-то пленного старшего лейтенанта Корисова утверждали, что наше сопротивление бессмысленно и призывали переходить на сторону немцев. И была ещё одна приписка. Нас спрашивали: «Почему мы это так опоздали? Мы вас ждём уже третьи сутки». Мы так маскировались, а, оказывается, нас немцы уже ждут третьи сутки.

К ночи полк сосредоточился в балке «Татарка». Это где-то северо-западной Сталинграда. Ночью вновь пошёл дождь. Наш ампулометный взвод занял уже до нас открытые ровики на склоне балки. Я вскочил в небольшой ровик, в котором и просидел до утра. Ровик на одну треть был перекрыт дощечками от снарядных ящиков. И это хорошо. Дождь не льёт за воротник. Где в степи найдёшь перекрытие.

Рано утром 16 октября (эту дату я хорошо помню: в этот день мне исполнилось 18 лет) нас стали выводить на передний край. Ставил нам задачу начхим волка старший лейтенант Евтушенко (ампулометный взвод ему подчинялся). Взвод был разделён на две части: 3 расчёта во главе с командиром взвода поступили в распоряжение одного батальона, 3 других

расчёта - в распоряжение другого батальона! С этими расчётами оказался и я в качестве подносчика ампул.

В траншее, прикрытой со стороны переднего края небольшим бугром, старший лейтенант Евтушенко поставил нам задачу: – Вон, левее бугра тридцатьчетверка сгоревшая. Там КП третьего батальона. Ваша задача: обеспечить оборону КП батальона в случае прорыва танков противника. В дальнейшем действовать по указанию командира батальона. Задача, в общем, поставлена правильно. Вот только старший лейтенант Евтушенко плохо разобрался в обстановке. Послал то он нас в третий батальон, но только не своего полка, даже не своей дивизии, в батальон потеснённых нами левее войск. Но мы этого не знали. До сгоревшей тридцать четверки мы добрались без потерь, где по траншее, где ползком. Я и сейчас содроганием вспоминаю: ведь у меня за плечами был вещмешок, в котором находилось 6-8 ампул «КС». Даже небольшой осколок – и я бы превратился в пылающий факел. Но тогда об этом не думали. Наш командир старший сержант Гаськов доложил старшему адъютанту батальона о прибытии ампулометчиков для обороны КП батальона.

Под сгоревшим танком в окопе стоял старший лейтенант. В петлицах его выгоревшей до основания гимнастёрки едва просматривались три «кубаря» такого же, как и петлицы, неопределённого цвета. Лицо его было, какое - то прокопчённое, сплошь заросшее жёсткой щетиной. Но не это меня поразило, а его глаза. Красные от недосыпания, в них сквозила смертельная усталость, и какая-то отрешённость: И когда всё это кончится? Встретил нас так, как обычно, по-видимому, встречал прибывавшее пополнение: – «Прибыли, ну и хорошо. Занимайте позиции в ста метрах впереди танка». Наша атака назначена на 10 часов. Через 30 минут начнётся артподготовка. Постарайтесь побыстрее оборудовать позиции. В последующем будете передвигаться вместе с КП батальона». Что это такое – командный пункт батальона? Старший адъютант батальона, рядом с ним телефонист с аппаратом в нише окопа, да от каждой роты связные. Полагаться на телефонную связь с ротами не приходилось. Она всё время обрывалась. Бомбёжки и артобстрел следовали непрерывно. Вот и весь КП батальона. Командир батальона и комиссар в это время находились в ротах. Артподготовка длилась более часа. Стоял сплошной гул. Весь передний край обороны немцев заволокло дымом. Летели 100кг. реактивные снаряды «Андрюши». Их сплошные установки вдоль балки мы видели, когда выдвигались на передний край. Следовали залпы «Катюши». Вела огонь артиллерия разных калибров. Немцы в это время молчали. В 10 часов поднялась в атаку пехота. И вот тут-то началось что-то невообразимое. Волна за волной следовали налёты штурмовиков, бомбили, обстреливали на бреющем полёте из пулеметов, вёлся шквальный миномётный огонь. От разрывов бомб два наших расчёта завалило землёй. С помощью своих товарищей выбрались живыми. Наша пехота ворвалась на передний край обороны немцев, захватила вторую траншею. Но пробиться дальше не смогла. Немцы здесь имели достаточно сил и средств. Да, по-видимому,

знали о готовившемся наступлении наших войск. Затем контратакой танков и гренадеров потеснили, а после сильного миномётного огня заставили нашу пехоту отойти на исходные позиции. Так, далеко не героически закончился наш первый бой. Были предприняты ещё несколько попыток атаковать немцев, но безуспешно. Паулюс прочно прикрывал левый фланг прорвавшегося к Волге 14-ого танкового корпуса.

Не помню через сколько суток мы были отозваны на командный пункт своего полка. Впоследствии взвод использовался для решения различных, неожиданно возникающих задач. Так, однажды ночью выбивали немецких автоматчиков, обосновавшихся вокруг нашего подбитого танка на нейтральной полосе. Потеряли двух человек, в том числе моего земляка красноармейца Шишко из небольшого шахтёрского городка Приморского края. Стоило ему на мгновение приподнять голову в то время как выглянула из-за туч луна, как последовала автоматная очередь, и он был поражён прямо в голову. Через сутки мы потеряли ещё двоих. В этот раз мы доставляли снаряды на позиции 45 мм пушек. Немцы перешли в наступление, а снарядов оказалось очень мало. Ночью не подвезли. По ящику за два километра несли на передовую. В воздухе постоянно находились «мессеры». Гонялись за каждым человеком. До их окружения немцы были уверены в своей победе под Сталинградом. Поэтому пытались воевать по расписанию. Да и нам стремились навязать свой режим боевых действий. Особенно это характерно было для немецкой авиации. Утром часов в восемь первая партия в 40-50 самолётов появляется над нашими позициями. Отбомбятся и улетят, а на горизонте появляется уже другая армада. И так до вечера. Немецкие же истребители весь день рыскали над нашими позициями.

Как-то утром я относил на КП полка строевую записку. И согнувшись пробегаая простреливаемый участок местности, как говорится, нос к носу встретился с своим бывшим школьным учителем по географии Гусевым. Он возвращался от КП полка. Узнать его можно было только по глазам. Чёрный, заросший. Вообще-то в тех условиях вид обычный для нас всех. Но я хорошо знал его по школе. Это был образец аккуратности и чистоты. Всегда чисто выбритый, сорочка идеальной белизны. А тут... В моём взгляде он понял, чем я удивлен. – «Ну, а что поделать, не до этого сейчас. Я в полковой батарее 120 мм миномётов. Вчера был артоналёт, мы потеряли два расчёта. Немцы засекли нашу батарею. Сегодня ночью мы сменили огневую позицию. И находимся в отроге вон той балки». И он показал в направлении балки, на противоположных скатах которой находились ровики ампулометного взвода.

Конечно, постоянная напряжённость, изнурительные непрерывные бои, гибель твоих товарищей, с которыми ты только что ел из одного котелка, не могли не сказаться на общем состоянии людей. Но причина была ещё и в другом. Даже, если есть условия и время умыться – так чем? Кухня приезжала в лучшем случае два раза в сутки. Один раз, когда ещё темно, другой раз, когда уже темно. И чаю хватало только попить.

Вечером мы встретились с ним у него на батарее. Это было воскресенье, и немцы активного огня не вели. Работали только дежурные

огневые средства. Это была наша первая на фронте и последняя встреча. В ноябре оставшийся личный состав батареи передадут в качестве пополнения в 120 СП 39 СД, которая в это время вела жестокие бои в самом Сталинграде в районе завода «Красный Октябрь. Здесь, как я узнал после боёв, Гусев погиб.

5 ноября 1942 года 212 СД сдала свой участок обороны подошедшей новой дивизии. Таким образом, дивизия вела непрерывные боевые действия в течение 20 суток. Сейчас стало модно говорить о наших больших потерях в людях и что, вроде, можно было их избежать. Причём, некоторые, так называемые исследователи, потеряв всякий здравый смысл и рассудок, высасывая из пальцев, с какой-то захватывающей радостью называют астрономические цифры наших потерь. Легко говорить об этом спустя десятки лет, не представляя себе, какая обстановка тогда сложилась для нас под Сталинградом. Да, потери в людях были большие. Порой не успевали убирать трупы. Слишком напряжённые шли бои. Думали о живых. Если тебя ранило, и тебя вынесли с поля боя, то это ещё не значит, что ты останешься жив.

Тебе надо оказать врачебную помощь. А где это делалось?

Представьте себе неглубокую балку, голую без единого укрытия, в лучшем случае расстелен брезент и на нём под открытым небом сотни раненых. Здесь же оперируют, перевязывают. Выброшено и полотнище с красным крестом. Но немецким лётчикам наплевать на какие-то там международные конвенции. «Мессера» спускаются и на бреющем полёте поливают из пулемётов всё это скопище раненых. А те, кто останется жив, должны ждать до темна, когда на подводах можно переправить в более глубокий тыл.

Немцы безраздельно господствовали в воздухе. Наших самолётов вообще не было видно. Зенитное прикрытие в войсках было очень слабое. Чтобы представить себе всю сложность обстановки, надо пройти через всё это.

62-ая и 64-ая армии в самом Сталинграде, прижатые к Волге, сражались на пределе своих возможностей за каждый дом, за каждый метр земли. Как им оказать эффективную помощь? Ни фронт развёртывания войск, ни условия переправы не позволяли это сделать со стороны Волги. Например, дивизия Родимцева вводилась в бой поротно, побатальонно, сразу же после переправы вступали в бой. А сколько людей гибло на переправе. С выходом немцев к Волге в районе Рынка все переправы находились под прицельным огнём. Поэтому непрерывные атаки наших войск с севера во фланг прорвавшейся к Волге немецкой группировки отвлекали огромные силы немцев, а, следовательно, уменьшали силу удара по обороняющимся в Сталинграде 62-ой и 64-ой армиям.

Конечно, в таких условиях не всегда наступление готовилось тщательно. Порой полки выходили на позиции буквально за несколько часов до атаки. Когда там командирам была возможность хорошо разобраться с обстановкой. Поэтому и «молотили», порой, по пустому месту.

Сталинград для нас был школой. Школой для всех участников от солдата до высшего командования. Учились и тактике и стратегии, учились военному искусству бить врага. Я хорошо помню, как нас учили в Киевском пехотном училище. Вечная строевая подготовка до одурения. Вся тактика сводилась к бегу да ползанию по-пластунски. А как правильно вырыть окоп, оборудовать огневую позицию – не научили. Я уже не говорю о том, как умело отойти на новый рубеж, чтобы это не превратилось в бегство, как бороться с танками и т.д. Конечно, физическая закалка необходима на фронте, без неё мы не выдержали бы многокилометровых изнурительных маршей. За это спасибо моему командиру взвода 19 роты Киевского пехотного училища лейтенанту Науменко. В училище этому вопросу уделялось первостепенное внимание. Но для боя этого мало. Необходимо знание и умение. Сталинград и научил нас умению воевать. Нет, как ни говорите, после Сталинграда наша армия стала иной. Армия приобрела своё второе дыхание. Сталинградская школа сказала на последующих сражениях.

Но вернёмся к 5 ноября 1942 года.

Вечером оставшийся личный состав специальных подразделений полка (разведчики, сапёры, связисты, химики, санрота и др.) был построен около КП полка. Всего набралось около 100 человек.

Для каких целей нас собрали вместе — мы не знали. Не поставив ни какой перед нами задачи, повели нас вдоль линии фронта на восток. К утру следующих суток мы были на берегу Волги, в посёлке Песчанка. Здесь мы и узнали, что переданы в 197 СП 99 СТР. дивизии, которая на второй день войны выбила немцев из Перемышля и погнала их за реку Сан. За что первой в Великую отечественную войну была награждена орденом Красного Знамени. Поэт Александр Твардовский написал текст песни, посвящённой этой дивизии.

В Песчанке находились талы 197 СП. К полудню следующих суток мы прибыли на КП полка. Шли берегом Волги. Немцы со стороны Рынка вели артиллерийский огонь вдоль Волги. Командный пункт 197 СП располагался на берегу Волги в районе балки Ерзовка. Там был очень высокий и крутой выступ на берегу реки. В этом выступе со стороны Волги и был оборудован КП полка. Землянки специальных подразделений полка были вырыты на северных скатах балки Ерзовка. Батальоны занимали оборону от Волги перед Винновкой, Латашанкой. Рынок был занят немцами.

Это был период, когда судьба Сталинградской группировки немцев уже была предрешена. Но мы в то время ничего не знали, что там, в верхах планировалось. Знали, что людей в батальонах оставалось всё меньше и меньше. И что специальные подразделения всё чаще и чаще использовали в качестве пехоты в обороне. Полк личным составом не пополнялся. Тревожно было на душе. Всё чаще и чаще я ловлю себя на мысли, а что мы в то время думали, на что надеялись, сидя на берегу Волги в канун 25 годовщины советской власти? В одном были убеждены: чтобы ни случилось, а отсюда мы уже ни уйдём. Как-то не верилось, не могли мы смириться с мыслью, что

Россия, Советский Союз потерпит поражение. Не в таком духе нас воспитывали. Я горжусь моим поколением, родившимся в первой половине 20-х годов. Оно с честью прошло через все испытания войны и до конца было верно своим идеалам и своей Родине.

Когда Сталин в приказе по случаю 25 годовщины Октябрьской революция заявил, что и на нашей улице будет праздник - мы в это верили. И он наступил, этот праздник. После 125 суток оборонительных боёв Красная Армия под Сталинградом сама перешла в наступление и окружила прославленную армию Паулюса и часть сил 4 танковой армии Гота.

19 ноября 197 СП в составе 99СД должен был наступать в направлении Винновка, Латананка, Рынок и выйти на северо-западную окраину Сталинграда. С 8 часов утра должна была начаться артподготовка. Но она не состоялась. Полковые разведчики сообщили, что передний край немцев обороняется лишь отдельными огневыми точками. Немцы заблаговременно отвели свои войска на вторую и промежуточную позиции. Батальоны полка сразу же двинулись вперёд. Были освобождены Винновка, Латашанка, упорные бои развернулись за Рынок. Противник оказывал упорное сопротивление. Немцы сумели здесь создать прочные, хорошо оборудованные оборонительные рубежи. Поэтому полк только к середине января 1943 года вышел и балке Сухая Мечетка, а затем завязал бои на западной окраине тракторного завода. Наступили завершающие бои Сталинградской битвы. Немцы оборонялись в Сталинграде, а мы наступали с Запада. Поменялись и местами, и ролями. К завершающим боям в стрелковых батальонах почти не осталось личного состава. Пополнение не поступало.

26 января из специальных подразделений полка была создана группа (рота) в 60 человек. Командиром был назначен лейтенант Баран, Мне он был знаком по Киевскому училищу. Он попал в группу, набранную из курсантов, имеющих высшее образование. Эту группу направили в Новосибирск на курсы старших адъютантов. И вот мы встретились на завершающем этапе Сталинградской битвы.

Для постановки задачи нашу группу вывели на открытое место перед балкой Орловской. Немцы артиллерийского и миномётного огня не вели. По-видимому, снарядов и мин не было. На другой стороне балки начинался рабочий посёлок (бывший, ибо от него почти ничего не осталось) Далее, на возвышения за площадью Дзержинского, начинался Тракторный завод (его развалины). Сейчас не помню, кто ставил задачу. Но смысл её состоял в том; что к исходу дня мы должны были овладеть одним из примыкающих к площади корпусов тракторного завода.

Несмотря на то, что рота действовала без артиллерийской и минометной поддержки, нам удалось сбить немцев с гребня высот и потеснить их к площади. Но дальше продвинуться не смогли. Разобравшись, что нас не так уж много, при поддержке сильного пулемётного огня с флангов немцы контратаковали нашу группу. Пришлось отойти на исходные позиции. На 12 часов следующих суток была назначена повторная атака. 1-

ый взвод должен был атаковать немцев вдоль ответвления балки, выходящего где-то возле развалин цирка. 2-ой взвод, где я был назначен командиром первого отделения, должен был на левом флаге сбить немцев с гребня балки, а затем, развернувшись в направлении завода, атаковать немецкие позиции на площади.

Перед самой атакой командир взвода старшина Евгений Гараничев был ранен в ногу. Он выбежал из мазанки, где мы находились, за запалами (взрывателями) для ручных гранат. И тогда командир роты спросил у него, кто будет командовать взводом? Он назвал меня. Итак, за несколько минут до атаки я стал командиром взвода. Во взводе было 3 отделения по восемь человек.

До гребня развалин, где были немецкие позиции, нам необходимо было преодолеть открытый участок местности глубиной 250300 м. И совсем неожиданным для нас был фланговый огонь немецкого МГ, позиция которого была оборудована под насыпью железнодорожного полотна. Фронтвики хорошо знают этот пулемёт. Он, как швейная машина, ложит свою строку. Здесь мы больше всего и потеряли людей.

Когда мы заняли гребень разрушенных зданий, во взводе оставалось 16 человек. К вечеру мы подошли к площади и здесь были остановлены сильным пулемётным и автоматным огнём. Мы залегли за гряды кирпичей и обломков разрушенных зданий. Тракторный завод покрылся сизой дымкой, оттуда тянуло гарью. Усилился мороз. Стало сравнительно тихо. Мы не вели огня, и немцы притихли. Только справа сзади велась перестрелка. Первый взвод, по-видимому, не продвинулся.

В это время лежавший правее меня боец сообщил, что справа группа немецких автоматчиков в 8-10 человек продвигается вдоль балки к нам в тыл. Действительно, гуськом в полный рост, не спеша, немцы, направлялись, по-видимому, на помощь своим, ведущим бой против нашего первого взвода. В этих условиях идею подсказал всё тот же красноармеец: — «Товарищ командир, они нас не видят. Давайте их дружно атакуем». Это было единственно правильное решение. Тем более стало темно и немцам не видно сколько нас. Быстро заняли исходный рубеж и атаковали эту группу. Результат был неожиданным. Мы оказались в тылу обороняющегося против нашего первого взвода немецкого подразделения. Это и решило исход боя.

Не помню, как прошла ночь с 27 на 28 января, но с утра мы продолжали вести бой непосредственно уже перед тракторным заводом. Два взвода были объединены в одно подразделение. Я стал у лейтенанта Барана не то его заместителем, не то ординарцем. Вот таков был диапазон моих функций. Все оставшиеся дни бои шли, как говорится, с переменным успехом. Немцы вели сильный пулемётный и снайперский огонь. Да и нас командование уже не торопило, тем более никакой поддержки артиллерийским и миномётным огнём не оказывалось. Сохраняли остатки разрушенного. Немецкая группировка в центре Сталинграда уже капитулировала. Сопротивлялась лишь северная группа немецких войск в районе тракторного завода. И, наконец, наступила ночь с 1 на 2 февраля 1943

года. Мы лежали среди развалин каких-то небольших зданий. Впереди, за площадью, метрах в трёхстах начинались корпуса (основания их) тракторного завода. Велась обычная перестрелка. Периодически, откуда-то с правого фланга, немецкий пулемет давал очередь трассирующими по нашим позициям. Где-то около 4х часов 2-ого февраля немцы прекратили огонь. Вскоре и нам передали приказ огонь не вести. Наконец, мы получили возможность встать, немного отогреться движением. Полы шинели промёрзли, висят оттопырившись. Так мы и передвигались вдоль своей позиции до светлого времени. Команды двигаться вперёд не давали. Когда стало светло, в сторону наших позиций направился немецкий солдат, бросил винтовку и со словами «Гитлер капут» заявил, что он сдаётся в плен. И что удивительно, его встретили не как пленного, а как дорогого гостя. Стали предлагать хлеб, курево. Как будто бы и не были смертельными врагами несколько часов назад. До чего же отходчива, не злоблива русская душа.

Вскоре подошёл лейтенант Баран и приказал всем собираться около разрушенного здания цирка. Туда должна подъехать кухня. И уже для себя добавил: «Хоть за неделю горячего поедим. А там, он показал в сторону тракторного, нам уже делать нечего. Час назад я думал, что мы тут одни остались. А сейчас – вон, сколько воинства высыпало». Действительно, все перемешались. Наши и немцы, победители и побеждённые. Немцы сдавались без сопротивления и довольно организованно.

Около каркаса небольшого разрушенного здания быстро сформировалась группа пленных немецких офицеров, сравнительно более высоких рангов. Тут же появился наш офицер в обычной солдатской шинели и еле заметной «шпалой» (капитан) в петлицах. Причём, одна пола шинели и голенище валенка основательно выгорели (по-видимому, заснул около «буржуйки» в землянке). Он зачитывал какой-то приказ для военнопленных. В это время буквально подбежал моложавого вида немецкий офицер (знаков различия немецких офицеров я тогда не знал) и заявил, что он начальник гарнизона, у него 300 человек, нужна охрана. Капитан хорошо говорил по-немецки. По-видимому, инструктор какого-нибудь политотдела. Он назначил 3-х бойцов и спросил: Достаточно? Немец пожал плечами, улыбнулся, сказал «Гуд» и отбыл в свой гарнизон.

А зачем им охрана? Куда они денутся, да ещё в таком состоянии. Степь, мороз. «Нах Дубовка». Маршрут уже обозначен. Как чёрная бесконечная змея, вереницы пленных растянулись уже на километры на север в направлении Дубовки. Так и этот немецкий офицер построил в колонну своих подчинённых и, став сам впереди, повёл их по проложенному маршруту.

Наверное, следует сказать несколько слов об офицерах и солдатах некогда могучей, элитной 6-ой армии Паулюса. Большинство офицеров внешне выглядело неплохо. Хотя одеты были и легко, но в теплое. С рюкзаками, баулами. Как будто на вокзале ждут поезда. По крайней мере, выглядела так собранная группа старших офицеров. И совсем плохо выглядел немецкий солдат. Чего только он на себя не навешал. А на лицо его смотреть

было просто жалко. Нет, мы не могли их ненавидеть. Мы их жалели. Таков уж, видно, наш национальный характер. И вот тут вспоминается передача по останкинскому каналу, посвящённая 50-летию прорыва блокады Ленинграда, которую организовал комментировал А. Н. Яковлев. Почему-то Александр Николаевич решил воспользоваться немецкой кинохроникой. В кадрах показаны статные упитанные немецкие солдаты и рядом, здесь же, показан наш, по-видимому, русский солдат (пленный). Вид у него, действительно, как утверждал А. Н. Яковлев, сопливый, невзрачный, словом, замухрышка. Но ведь такое сопоставление несправедливо. Почему бы Александру Николаевичу рядом с тем нашим пленным солдатом не показать немецкого пленного солдата под Сталинградом. Таких кадров имелось более, чем достаточно. И сразу бы стало видно, кто из них более сопливый. Спрашивается, какую цель преследовал и какими мотивами руководствовался, организуя такую передачу, уважаемый Александр Николаевич?

Но вновь вернёмся к нашему повествованию. Когда мы с лейтенантом Бараном подходили к группе пленных немецких офицеров, произошло довольно интересное событие. Один немецкий солдат, направляясь в плен, запаса свои харчами. В шарфе он нёс несколько банок консервов. Где он в тех условиях достал – непонятно. Но не в этом суть. Навстречу, ему шёл наш солдат, направленный из госпиталя в часть. Показывая один палец, он попросил немца уступить одну банку консервов. Тот не согласился. Тогда наш солдат снял вещмешок, достал булку хлеба и предложил пленному совершить, как сейчас говорят, бартер. Но и в этом случае получил отказ. И, по-видимому, вспомнив, что перед ним, победителем, пленный, наш воин эту сделку попытался совершить силой. И вот тут-то всех поразило поведение немецкого солдата, особенно пленных офицеров. Вся эта интермедия разыгрывалась на их глазах. Немецкий солдат довольно внятно по-русски закричал: «Грабят, давай комиссара!» Тогда какой-то пленный офицер, обращаясь к своему солдату, что-то раздражённо сказал. Солдат посмотрел на офицера, постоял, о чём-то раздумывая, а затем бросил консервы и направился «Нах Дубовка». Не предвидя такого оборота, наш солдат тоже подался в своём направлении. В это время мы с лейтенантом стояли около группы пленных немецких офицеров. И вот один из них, как он потом сам представился, майор, начальник штаба танковой бригады; обращаясь к нам на довольно сносном русском языке, заявил: – Удивительно, наш солдат в плену для восстановления справедливости призывает русского комиссара, которого немцы в первую очередь расстреливали. И затем без всякой паузы спросил: – Скажите, а как у вас будут использоваться военнопленные? - А что собственно вас интересует? - уточнил лейтенант Баран. – Вот я, например, часовой мастер, продолжал немец. Лейтенант Баран показал рукой на лежащий в руинах тракторный завод и заявил: – А это кто будет восстанавливать? – Я не понимаю, следовал ответ немца. Но ведь для восстановления всего разрушенного вам потребуется лет 20-25. Такой срок

прогнозировали нам для восстановления всего разрушенного те, кто всё это натворил.

Вскоре явился посыльный от подразделения и сообщил, то прибыла кухня. Через несколько минут мы были около разрушенного цирка. Бойцы, устроившись на побитых кирпичах, впервые в течение недели ели горячий суп. Но до конца поесть нам не дали. Какой-то майор потребовал срочно построить подразделение и направить его на берег Волги. Там были позиции румын, которые оказывали сопротивление. Невероятно. Немцы сдаются, а румыны сопротивляются. Но это не соответствовало действительности. Просто румыны не желали вылезать на мороз из своих тёплых блиндажей и землянок. Операция по выкуриванию румын заняла около 2-х часов. Построили их в колонну и направили всё по тому же маршруту - «Нах Дубовка». На этом и закончилась совсем не героическая, обычная боевая деятельность нашего подразделения. В строю осталось около 50% от первоначального состава подразделения.

Полк отвели на отдых в балку Ерзовка. Но какой отдых под открытым небом. Земля настолько промёрзла, что никакой лопатой её не возьмешь. Искали ранее отрытые землянки и обычные норы. Затем полк переместился на левый берег Волги в село Погорелое. Вот здесь мы впервые за полгода помылись, отоспались, избавились от вшей. В полк стало поступать пополнение, шло его обучение. Но это продолжалось недолго. В середине марта 269 ГВ.СП 88 ГВ.СД (так после Сталинграда стали называться полк и дивизия) совершил марш на станцию погрузки и железной дорогой был переброшен на ст. Купянск. Ночью совершил марш на реку Оскол в район с. Сеньково. 8-ая ГВ армия Чуйкова (бывшая 62) готовилась к освобождению Донбасса в составе Юго-западного фронта.

Хочу ещё немного слов сказать о своём первом фронтовом командире взвода Прудникове Дмитрие Тимофеевиче и старшине Евгении Гараничеве. После Сталинграда Прудников Д.Т. стал начальником химической службы 269 ГВ СП, а после организации им обороны отошедшего из под Пугачен 271ГВ СП стал его начальником штаба. Это было на Днестровском плацдарме в мае 1944г. Дмитрий Тимофеевич напутствовал меня на учёбу в 3-е Саратовское танковое училище в декабре 1944 г. В это время 269 ГВ. СП 88 ГВ. СД занимал оборону на Магнушевском плацдарме, южнее Варшавы, седлая дорогу из Варшавы на Радом. Штаб его находился в селе Папоротня.

В мае 1945, после победы, Д.Т. Прудников прислал мне письмо в Саратов. В нём он сообщил о судьбе взвода химической защиты 269 ГВ СП, где я был командиром отделения химической разведки. Весь личный состав взвода погиб при форсировании р. Шпрее в районе Тиргартена, действуя в качестве ранцевых огнеметчиков в составе штурмовых групп.

Женя Гараничев, наш уважаемый старшина, после ранения в Сталинграде и излечения продолжал служить в составе 8 ГВ армии. Последний раз я его видел, когда полк стоял в Сеньково и готовился к форсированию Северского Донца. Это был июль 1943 года. Хорошо помню, как он читал мне новое своё произведение. Кстати, Женя ещё под

Сталинградом «пописывал» в армейскую газету. Уже в 60-х годах в одной из центральных газет (скорее всего – в «Красной Звезде») был помещён материал из Приволжского военного округа, под которым стояла подпись Е. Гараничев.

Хочу поделиться некоторыми мыслями в целом о Сталинградской битве и её значении. Не столь часто, но встречались высказывания, в которых присутствовало сомнение, – а не слишком ли мы преувеличиваем значение Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. Ведь были же сражения, которые и по количеству участвующих войск и технике, напряженности и жестокости боёв не только не уступали Сталинградской битве, но и превосходили её. Возьмём хотя бы сражение под Орлом и Курском. Да, это так. Но разве величие одной победы умоляет значение другой? Как-то на эту тему у меня состоялся разговор с одним их участников Курского сражения, выразившим такое сомнение.

-Скажите – спрашивал я его, - На нас под Курском немцы сбрасывали с самолётов пустые бочки, рельсы, шпалы? -Бомбили, но этим не занимались. А что, уж так страшны эти бочки? -Да нет, особенно, когда знаешь, что это просто пустые бочка. Дело в другом. В том, что немцы с нами пытались играть, как кот с мышкой. С самолётов сбрасывали листовки, в которых с бахвальством утверждали, что Сталинград возьмут бомбёжкой, а в Саратов войдут с гармошкой. А ведь они и шли от Харькова по Донским степям с гармошкой, но только с губной. Почему и был издан приказ №227, написанный лично Сталиным. Ни шагу назад. Отстоять Сталинград, чего бы это нам ни стоило, - таков лейтмотив этого приказа.

Уж кто-кто, а Сталин понимал значение исхода битвы за Сталинград. Сталинград – это не просто город. От него, собственно, уже ничего не осталось. Сталинград –э то путь на север вдоль Воли. и попробуй-ка тогда остановить немецкую армию с её моторизацией. Сталинград – это для нас и Бакинская нефть. Тюменской нефти тогда не было. Сталинград – это наш Уральский оборонительный комплекс. Он становился досягаемым для немецкой авиации.

Итак, нам дальше отступать нельзя, ибо – гибель страны. И немцы отвести свои войска не могли., ибо для них это означало проиграть всю летнюю кампанию. Это во-первых. Во-вторых, они логикой сражений ввязали в этой битве. Так, что и для немцев дороги назад не было. Вот почему сражения под Сталинградом и в самом городе приобрели столь ожесточённый и упорный характер с обеих сторон. Такого характера сражений немцы не предвидели. И уже, тем более такого исхода.

Нет, после Сталинграда мы стали другими, да и немец стал уже не гот. Сбили с него тут всю спесь. Фашистские завоеватели вразумили, это под мотивы губной гармошки по России шествовать уже не придётся. Для нас же Сталинград стал символом стойкости, упорства и нерушимой преданности своим идеалам и своей Родине. Вот почему звание участника Сталинградской битвы было для нас, да и остаётся выше всех похвал.

Хорошо сказал, ещё в августе 1942 года, как бы предвосхищая исход Сталинградской битвы, поэт Долматовский в своём стихотворении «Разговор Волги с Доном»: «Не уйдут пришельцы из кольца. Будет здесь положено начало вражьего конца.»